

Руслан Хаиткулов, Даниил Шестаков

Признаки фарса

Жак Аттали. Карл Маркс: Мировой дух /
Пер. с фр. Е.В. Колодочкиной, вступ. ст. С.Г. Кара-Мурзы.
М.: «Молодая Гвардия», 2008. – 406 [10] с.; ил. –
(Серия биографий «Жизнь замечательных людей»).

Так здесь было хорошо и старорежимно. Все как прежде. Вот только Маркс! Впрочем, Маркса можно заковать в плюшевый переплет с медными засовами и показывать гостям вместо семейного альбома.

– А это вот Маркс! Видите! Тут он еще молодой, даже без усов. А вот тут – уже в более зрелых годах.

– Смотрите, довольно прилично одевался. А это что за старичок?

– Это один его знакомый. Энгельс по фамилии.

– Ничего, тоже приличный господин.

И. Ильф, Е. Петров («Горю – и не стораю»)

Видный знаток конъюнктуры рынка эпохи позднего капитализма Борис Кагарлицкий недавно рассказал о своем разговоре с редактором одного крупного издательства. Редактор жаловался на жизнь, утверждая, что «История еврейства» И. Шафаревича и прочая коричневая публицистика перестала пользоваться спросом: все потребители – представители обозначенных субкультур – переметнулись на левый фланг. Благословенный невидимой рукой рынка, поток антикапиталистической литературы безостановочно растет уже несколько лет и решительно не собирается останавливаться.

Закаленная с советских времен серия «ЖЗЛ» отметилась на попрание революционных биографий запоздало, но масштабно: за последние два года один за другим вышли «Бакунин», «Ленин», «Мао Цзэдун» и теперь «Карл Маркс». Последний примечателен не только историческим охватом описываемого и застенчивой юбилейностью (которая наличествует исключительно в русском контексте; на французском книга отгремела уже три года как), но и зарубежным автором¹. Выбор биографии пера Жака

¹ Следует сказать, что советская литература о Марксе, вопреки расхожему мнению, до сих пор не потеряла своей актуальности. Это прежде всего справедливо для замечательной книги Н.И. Лапина «Молодой Маркс» и биографии, выходявшей в той же «ЖЗЛ» в 1962 году.

Аттали неслучаен: советник президента Франции, автор пары десятков книг (прославляющих глобальный капитализм), мондиалист (Аттали претендует на изобретение этого термина) и сторонник легального и централизованного «мирового правительства», а в настоящий момент член Бильдербергского клуба, который на звание такового явно претендует, Аттали, расписываясь в «глубоком удовлетворении» от чтения Маркса, должен в нем разбираться. Подобно *le roi de Prusse* Аттали встает в четыре часа утра каждый день и принимается за написание биографий²; перед нами самый популярный из результатов его неустанных трудов. Рассмотрим же поближе того человека, который скрывается за Марксовой бородой, украшающей обложку (красную, красную!) нового издания.

Иммануил Валлерстайн как-то сказал по поводу Луи Альтюссера, что «у каждого из нас свои два Маркса». Не то у Аттали. У Аттали Маркс всего один – зато какой!

Стремление издательства к «объективности»³, желание, образно говоря, пройти между Сциллой «советского идеологического волапука» и Харибдой либертарных отповедей по адресу «мохнорылого сатаны», кажется, сыграло с издательством дурную шутку. Читателя ошеломляют уже с первых строк заявлением о том, что Маркс «никогда и не мечтал об агонии капитализма, <...> отстаивал свободную торговлю, приветствовал глобализацию и предвидел, что если революция и произойдет, то лишь как выход за рамки капитализма, установившегося повсеместно». Мы еще вернемся к идее *всемирности капитализма* в версии Аттали. Пока же отметим несомненные достоинства текста.

Нельзя не признать, что технически книга написана блестяще. Остроумные комментарии перемежаются в ней с забытыми научно-фантастическими троцкистскими (!) романами⁴, мелкие бытовые детали – с Марксовым теоретизированием, грамотно подающимся читателю компактными порциями. Аттали прекрасно понимает, что его заинтересованный читатель скорее обратится к оригиналу, и дает необходимый теоретический минимум по мере повествования, походя опровергая

² Помимо «Карла Маркса» Аттали уже выпустил жизнеописание Ганди.

³ В принципе реализуемое: ср. биографию Мао Александра Панцова с нашумевшей на Западе, но изданной неожиданно не в «ЖЗЛ» книгой Ю. Чжан и Дж. Холлидея «Неизвестный Мао».

⁴ В нашей стране, где многие известные на Западе писатели зачастую остаются в тени (например, Сэмюэл Батлер), упоминающийся Аттали роман «Лимб» секретаря Троцкого Бернарда Вольфа тем более кажется совершенной экзотикой. Нельзя не сказать, что целый пласт подобной литературы в России до сих пор малоизвестен, притом что эволюция западной марксистской антиутопии/дистопии должна быть крайне интересной темой.

Альтюссера без единого упоминания об эпистемологических разрывах. Читателя постоянно держат в напряжении, туманно намекая на дальнейшее развитие событий. За вычетом теории остается история, а она в нашем случае – преинтересная. Книга разделена на главы в хронологическом порядке, каждая из которых условно соответствует одной ипостаси Маркса (будь то «Немецкий философ», «Английский экономист» или «Властелин Интернационала»). Многочисленные факты из жизни Маркса тщательно упорядочены, нередко Аттали с мягкой иронией приводит отзывы людей из самого разного окружения – от соратников до врагов. В конце книги для удобства читателя указаны основные даты жизни и творчества Маркса, и видно, что автор проделал большую работу по восстановлению и конструированию биографии. Не обходит Аттали и острые углы жизни Маркса, его вспыльчивость, раздражительность, временами нетерпимость; иногда даже слишком большое внимание уделяется брошенным им в запале ругательствам.

Несмотря на достаточно богатую различными перипетиями жизнь Маркса, очевидно, что такого человека, как Аттали, вряд ли может прельщать написание биографии, ставящей в центр повествования давно минувшее. Поэтому ярким и живым вышел лишь молодой Маркс – шумный, увлекающийся студент, полностью отдающийся любому делу, будь то дуэли, выпивка или учеба. Чем старше становится Маркс, чем больше он занимается теоретической деятельностью, тем больше внимания уделяется идеям Маркса, как правило в интерпретации самого Аттали. Для него Маркс – в первую очередь интеллект, кочевник, гражданин мира, намного превосходящий окружающих, не способных понять его идеи (не избежал этой участи даже бесконечно преданный ему Фридрих Энгельс). Все прочие события являются лишь фоном: изредка в кадр попадают грызущиеся между собою вожди, вызывающие глубокое неудовольствие Маркса. Рабочее движение остается практически за кадром; достаточно сказать, что в главе «Властелин Интернационала» непосредственно Интернационалу посвящены лишь последние восемь страниц. Как пишет Аттали, историю творят личности, а не массы.

Каждый сам волен решать, насколько ему близок портрет Маркса-глобалиста и сторонника парламентской демократии, благо споры об «истинном Марксе» ведутся многие годы, и никто не хочет остаться в стороне от дележа наследства. Мы же лишь упомянем о том, что автор книги видит в своем герое в первую очередь близкие ему черты. Нечего и говорить, что идеи Маркса у Аттали выглядят весьма нетрадиционно. Более того, один из основных мотивов книги – это спор с другими интерпретациями, вполне традиционными, обильно одобренный цитатами из Маркса о пользе свободной торговли, глобализации, прогрессивной роли буржуазии, и стремление убедить читателя в позднейшей злонамеренной фаль-

сификации и многочисленных извращениях идей главного «не-марксиста». Особо тяжелым грехом Аттали считает попытку строить социализм *вместо* капитализма, которая, по его мнению, была предпринята в России и в Китае; он подчеркивает, что Маркс трактовал переход к социализму как *всемирно-историческое* явление, способное совершиться лишь тогда, когда капитализм подчинит себе весь мир окончательно и бесповоротно. Таким образом, революция откладывается на неопределенный срок, а «мировой дух» в очередной раз оказывается дюжим либералом. Однако приводимые Аттали цитаты парадоксальным образом свидетельствуют против него: практически в каждом случае, Маркс, описывая глобализацию, говорит о ней... в прошедшем времени! Кажущееся противоречие разрешается, если мы вспомним, что, говоря «весь мир», Маркс обычно имел в виду⁵ наиболее передовые страны Западной Европы и (позже) Америку. Таким образом, капиталистическая глобализация вовлекла в свою орбиту весь развитый на тот момент времени мир, и поэтому Маркс неоднократно готовился к приходу революции, по всей видимости, не желая дожидаться, пока власть рынка подчинит себе последнего туземца где-нибудь в глубинах Африки. Что же касается универсальности пути исторического развития, то во всех (!) вариантах многократно критикуемого Аттали письма к Вере Засулич Маркс пишет, что «“историческая неизбежность” этого пути точно ограничена странами Западной Европы».

* * *

Аттали многократно подчеркивает, что идеи, по Марксу, от развития общества, от классовой борьбы не зависят. *Никак*. Это положение можно было бы опровергать цитатами из Маркса, но намного лучше для этой цели подходят цитаты из самого Аттали. Казалось бы, коль скоро идеи не зависят от материи, *заниматься надо историей идей*: они повлияли на мир (а не наоборот), биография Маркса нам ничего о них не расскажет. Но Аттали, словно оправдываясь за ненужную в таком случае биографию, незамедлительно в прямое и жесткое отношение ставит особенности характера Маркса и его идеи.

Среди сидевших в Туруханском крае политзаключенных ходила байка о том, что у Сталина сильно потели ноги. Думается, что даже «отца народов» изумило бы простое перечисление заболеваний, от которых страдал Маркс. Вот «карбункулы, мигрени, болезни легких и печени

⁵ О чем Маркс сам и говорит в предисловии к французскому изданию «Капитала». Неужели француз Аттали читал немецкий оригинал? Сказалась унаследованная от Альтюссера неприязнь к французскому переводу?

сменяют друг друга в ускоренном ритме». А вот Маркс едет к очаровательной кухне – полечить карбункул. «Надеюсь, буржуазия, пока жива, будет иметь причины вспоминать мои фурункулы», – шутливо говорил Маркс. Аттали не ограничивается фурункулами и перечисляет весь список, повторяясь от обострения к обострению. Имеет место двойное движение: от философии к экономике и от менее тяжелых заболеваний к более тяжелым и мучительным. Отсюда короткие философские работы имеют преимущество перед длинными экономическими: «... стиль Маркса, столь неясный, когда он говорит об экономике, и столь прозрачный, когда он говорит о политике или о текущих событиях, становится блестящим, когда он возвращается к философии», «эти [экономические] рассуждения выражены в гораздо менее изящном стиле...»

Физиологизм продолжается.

Известно, что у Бакунина была очень властная и деспотичная мать, а отец Нечаева постоянно пил. Помня об этом, Аттали больше десяти страниц в самом начале посвящает еврейскому происхождению Маркса. Разумеется, только для того чтобы сказать, как Маркс относится к своему еврейству в сочинении «К еврейскому вопросу»⁶. Зато в «физиологическую гипотезу» Аттали прекрасно ложатся теория денег и теория отчуждения: с деньгами Маркс всегда расставался легко (поэтому они у него редко водились), а с рукописями – тяжело (потому что он постоянно их дописывал и переписывал). Кроме того, Маркс «ненавидел труд». Получается жутковатый портрет иждивенца и праздного мота – и это без обращения к биографии в собственном смысле, но основываясь исключительно на работах. Так по работам судят людей. По счастью, Аттали снисходителен к своему герою и даже склонен ему прощать отступления от собственных взглядов: так, когда призывы к диктатуре пролетариата у Маркса отсутствуют (как в «Учредительном манифесте Международного товарищества рабочих» 1864 года), то речь идет лишь о тактических уступках Маркса противникам (прудонистам, английским тред-юнионистам). Марксу прощается и «внебрачный сын», поскольку свидетельства Луизы Фрейбергер-Каутской кажутся ему ненадежными⁷.

⁶ То, что в этом вопросе мы и сегодня недалеко продвинулись со времени Маркса, доказывает недавно вышедшая на русском языке работа Алена Бадью «Направленности слова “еврей”».

⁷ Внебрачный сын Маркса был посмертно усыновлен либеральными публицистами, которые не устают «поднимать его на щит». Например, руководитель Центра Мизеса Ярослав Романчук открывает нам глаза на то, что «Маркс стал отцом ребенка своей служанки... угробил жизнь своей жены и стал причиной самоубийства своих дочерей». Профессор Бастиа остался бы доволен своими наследниками.

Отказываясь от «марксистской» социально-экономической детерминированности идей, Аттали... переходит на ступень ниже, к детерминированности физиологической или в лучшем случае объясняя особенности Марксовой теории обстоятельствами личной жизни самого ее творца. Это уже послужило поводом для обвинения Аттали в «психоанализе». «Quelle horreur!» – восклицал в таких случаях Маркс; мы же ожидаем новой биографии Фрейда, сопровождаемой обвинениями в марксизме, и готовимся ничему не удивляться.

* * *

Многokrатно отмечался детально прописанный «исторический контекст» обсуждаемой книги. Он сводится главным образом к политическим событиям и неумолимому движению технического прогресса, двум типичным для XIX века темам, которыми Маркс живо интересовался. Не забыты и бесплодные попытки Маркса списаться с Дарвином. Идеи витают в воздухе, их общность настолько очевидна, что нижеприведенная цитата удостоилась быть помещенной в предисловие: «Как много общего у теории естественного отбора (приводящей к мутации видов живых существ), теории классовой борьбы (приводящей к изменению социальной структуры общества) и еще одной великой теории XIX века – теории термодинамики (приводящей к изменению состояний материи)! Во всех трех говорится о ничтожных вариациях и мощных скачках; о времени, утекающем необратимо – к хаосу, как говорил Карно; к свободе, как говорит Маркс; к приспособлению наилучшим образом, как говорит Дарвин. Приспособиться к хаосу свободы – вот что объединяет Карно, Маркса и Дарвина, трех гигантов этого века». На наш взгляд, приспособляться к хаосу свободы предлагает как раз неолиберализм в духе Аттали, причем печальные его результаты (диктатуры, голод, подпольная экономика)⁸ вполне очевидны. Но это можно выразить проще: все эти теории прекрасно объясняют прошлое, но не очень сильны в предсказаниях бу-

⁸ Результаты как в странах Третьего мира, так и, по мнению некоторых постмодернистских левых, в развитых обществах, которые оказываются неоднородными и включающими в себя фрагменты более старых формаций со всеми вытекающими последствиями. Небезынтересна и стратегия защиты неолибералов: большинство указанных выше проблем объявляются ими не следствием осуществления политики неолиберализма, а следствием недостаточного ее осуществления либо провозглашаются носящими позитивный, а не негативный характер. Так, с точки зрения Э. де Сото, неформальная (подпольная) экономика – явление крайне позитивное.

дущего, за исключением самых общих тенденций⁹. Предсказания Маркса, по признанию самого Аттали, «расплывчаты», так что возможно множество их трактовок, и вот перед нами самая последняя.

* * *

В замечательных подробностях описано возникновение «культа личности» Маркса. «Фридрих заказал тысячу двести экземпляров фотографии Маркса и велел ему их подписать». «Наметились очертания новой религии. Маркс не возражал», – выговаривает Аттали. Когда дело доходит до разоблачения наследников Маркса, автор становится на позиции непримиримой теории и отмечает «три лжи». Оболган Маркс был по следующим позициям: (1) Энгельсом дважды: в утверждении о том, что сфера идей – так же, как и все прочие – обусловлена классовой борьбой (против чего Маркс категорически возражал), и проведением аналогии между законом классовой борьбы и законами естествознания (в частности, превращения энергии¹⁰); (2) Лениным многократно: в отношении к «революции как к искусству», концепцией диктатуры пролетариата и т.п.; (3) Сталиным – учету не поддается. Злоключениям Маркса в XX веке и преступлениям большевиков посвящена отдельная (последняя) глава, которая показывает, что случается, когда, по мнению Аттали, социализм пытаются строить «вместо» капитализма. Из этой главы мы узнаем, что Ленин взял себе этот псевдоним, потому что жил на берегах Лены (других возможных и, на наш взгляд, более реалистичных версий его происхождения автор не приводит), а эсерку Фанни Каплан «обвинили в подготовке покушения». Несколько вольное обращение с фактами сопутствует и описанию других событий XX века: например, в книге Брандлер и Тальгеймер были высланы в СССР и *расстреляны сталинистами* задолго до Второй мировой войны, в то время как первый немало пережил Сталина и скончался в 1967 году в Гамбурге, второй же умер на Кубе в 1948-м. Между тем идеи самого Маркса, оказывается, под другими именами присутствуют и в современной экономической теории: под какими именами отыскились вдруг в теории, основанной на анализе предельных величин, идеи из трудовой теории стоимости Аттали благоразумно не уточняет. Вероятно, не желая смущать неспециалистов.

⁹ Только такие предсказания и возможны, к слову, с точки зрения австрийских экономистов, вечных противников Маркса еще со времен выхода в свет книги О. Бём-Баверка «К завершению марксистской системы» (1890).

¹⁰ Зато сейчас представитель мейнстрима экономической науки и нобелевский лауреат Гэри Беккер может свободно проводить параллели между идеей потребительской рациональности и законом сохранения энергии.

Очевидно, по той же причине все основные достижения западной марксистской теории XX века умещаются в его перечислении на половине страницы без всяких имен.

Работа вообще написана для неспециалистов, чьи высказывания о Марксе мы уже приводили. Наверное, из-за множества *таких* людей и назвал Кара-Мурза свое предисловие «Своевременная книга»; также и объективной она может считаться, добавим, только в сравнении с *этими* людьми.

Но мы вряд ли бы обвинили Аттали во всем вышеперечисленном, если бы у него действительно был свой, особенный, уникальный Маркс. Ведь любая биография будет неизбежно носить след автора, сконструировавшего ее, просто здесь этот след выражен более четко, не в последнюю очередь из-за яркости фигуры самого автора, способного найти параллели между своими убеждениями и мыслями Маркса. Безусловно, Маркс оставил значительное наследство, в котором при желании можно найти практически все что угодно. Проблема в том, что такой взгляд не очень нов: левый историк Шубин сделал обиходным по отношению к нему термин «социал-либеральный»¹¹. Это удобный способ мягко соглашаться с Марксом, по той или иной причине отодвигая революцию далеко в будущее, ибо этот мир еще слишком несовершенен и к ней не готов. Неолиберальный фрейм мышления Аттали, пользуясь удачной метафорой Ольги Романовой, набор его нерефлексируемых оптик искривляет «истинного Маркса» (если таковой вообще существует): появляется загадочное требование *всемирности капитализма*, которого для Маркса не существовало¹², но которое становится понятным, если мы посмотрим на атталиевские «стадии капитализма»¹³ – и мондиалистам не обойтись без модернистской линейной философии истории. Неолиберальная верность принципам индивидуализма заставляет выискивать в каждом проявлении характера Маркса движущие причины его теорети-

¹¹ О социал-либералах см.: Шубин А.В. Социализм. «Золотой век» теории. М.: «Новое литературное обозрение», 2007, с. 376–389. К социал-либералам среди околomarксистских писателей принадлежат Т.И. Ойзерман и В.М. Межуев.

¹² Работы И. Валлерстайна, Р. Пребиша, С. Фуртадо и других постколониальных экономистов заставляют нас сомневаться в том, что развивающиеся страны в принципе способны повторить путь развитых – вопреки расхожей марксистской догме.

¹³ Таковых Аттали насчитывает восемь, девятая ожидается со дня на день и связана с Японией. Понятно, что торговый строй – последний и наилучший, по-фукуямовски завершающий историю.

ческих построений, зачастую при этом впадая в противоречие с самим их автором. У нас возникают сомнения, остался бы доволен сам Аттали, если бы через n лет в очередной книге «ЖЗЛ», посвященной ему самому, видный глобалист был изображен в качестве незаурядного социал-демократа, стремившегося к торжеству мирового социализма, или советником президента от Социалистической партии Миттерана.

Пока же можно констатировать, что еще одна попытка поместить Маркса в определенные, на этот раз мондиалистски-неолиберальные рамки не слишком удалась.